

И. Н. УХАНОВА

Указ выговцев об изготовлении туесков

В Карельском собрании Древлехранилища Пушкинского Дома находится сборная рукопись (конволют) 20-х годов XVIII в. — первой трети XIX в., размером в 4°, в деревянном, обтянутом тисненой кожей переплете.¹ Она была привезена В. И. Малышевым в 1940 г. из Сум-Посада Беломорского района Карело-Финской ССР. В ее состав входят рукописные и печатные тексты. По-видимому, она ценилась читателями. Это явствует из пометы на л. 21: «1890 года сию книгу читал крестьянин Алексей Иванов Миронов. Эта книга очень полезна для чтения христиан». Общая сохранность рукописи свидетельствует о бережном к ней отношении на протяжении многих десятков лет.

Первое впечатление от книги — впечатление от ее внешнего оформления. Кожаный тисненый переплет украшен ромбовидными узорами, часто встречающимися на книгах, исполненных мастерами с Выга. Существенным дополнением к переплету служат медные застёжки, интересные по своему художественному замыслу. Каждая из них проста — небольшой прямоугольник, переходящий в круг с 6 острыми зубчиками по краю, поверхность которого декорирована глазковым орнаментом, т. е. узором в виде гравированных кружков с точкой посередине. Четкость формы и ясность композиционного решения орнамента примечательна не только для подобных мелких работ северорусских мастеров, но и для всего народного искусства Северо-Запада России. Аналогичные варианты декоративных узоров можно видеть в резном дереве, как бытовом, так и архитектурном, и других видах художественного творчества. Несомненно, что переплет был исполнен местными мастерами, скорее всего, как предполагает В. И. Малышев, над ним трудился кто-то из семьи Петровых — известных мастеров переплетного дела XVIII в.

Рукопись представляет большой интерес не только со стороны внешнего оформления, но и по содержанию. Особое внимание привлекают в ней два устава Выговского общежития. Написаны они каллиграфическими скорописными почерками: можно думать, что их выполнял опытный писец. О местной выгорецкой школе книжного дела, о переписчиках и художниках, выработавших с течением времени свой особый стиль, в настоящее время достаточно известно.² Что касается содержания, то первый устав интересен своими общими установками на правила поведения братии на церковных службах, на трапезах и т. п. (л. 15). В нем подчеркивается необходимость согласования любых действий, включая и чтение книг, со старостой: «Грамотным братиям на службах, в праздники и простыя дни

¹ Карельское собрание, № 38.

² Е. О. Поморские рукописи, их миниатюры и орнаментация. — Золотое Руно, № 10, 1907; В. М. В и ш н е в с к а я. Свободные кистевые росписи. — В кн.: Русское народное искусство Севера. Л., 1968, с. 12, 13.

писем про себя никаких никогда писать не попускати, и весма о сем старостам запрещати. Тако же и в праздники, егда книгу читают, особно грамотным книги читать не попускати, но егда отчтут соборное чтение, тогда свобода имеют» (л. 17). Иерархичность подчинения здесь несомненна. Устав этот характеризует строгость существовавших в обители правил, которым обязаны были подчиняться все члены Выговского общежитства, особенно живущие в самом монастыре. В непосредственной связи с отмеченным положением находится и указ, написанный на соседних двух листах (л. 19, 20) и более интересный для нас по содержанию. Ниже полностью его текст.

Боголюбивым и добропослушным братьям нашим, иже за по(по)слушание на всех службах добротщательно труждающимся.

Понеже мнози от трудников летом между трудами тчатся делати ови туюски, ови крошши или ино что, делают же сия не по чину пустынному, но с прикрасами мирскими, слуду полагают, басмами басмят. Еще же и делают и раздают неведомо куды без благословения настоящих и поставленных над ними надзирателей, противно общежителюму благочинию.

Занеже святии отцы глаголют: «Все в братстве, творимое без благословения, грех есть», — чесо ради от греха онаго свободяюще трудящихся. Соборне приказываем: котории от братии восхотят делати туюски или крошши, прежде да благословятся у старост своих. А старостам смотреть о сем тшательно.

Дабы туюски оныя по обычаю пустынному деланы были, а прикрас мирских как слуды, так и басменя излишняго весма не обреталось. Такожде делающие туюски, всякой бы от них тчался в казну келарю зделать сколько возможет для братския общия потребы.

А прочия соделанныи туюски, колико зделают про свой обиход и ежели восхотят раздават кому, — со благословения отдавати должни, суть в братстве, да благословляются у казначея рубашешняго, у котораго благословляются к сродницам ходить и к сродницам ли послать чрез онаго, да посылают. Аще ли на трудах случится, у старост своих да благословляются, и ежели послать хотять к сродницам, котории определены над трудницами болшим, чрез того да посылают, а не чрез прочих стариков. А котории явятся самоволне с прикрасами мирскими, со слудю и прочими, — таковыя у них обирати, самих же на поклоны ставити и прочими подобающими запрещеньми наказовати. А котории без благословения делают и раздают начнут, — тии повинни будут соборному запрещению, аще ли не сродницам отдавати и посылат станут без благословения на то определенных, — подпадут жестокому запрещению. О сем старостам прилежно смотрити, и всем трудником накрепко заказати: да отселе туюзов и крошен без благословения ниже да делают, ниже да дерзает раздавати.

Мир же божий преимуций да сохранит вы во всяком спасительном пребывании благодатию своею. Аминь.

В указе вновь идет речь о соблюдении правил подчинения и послушания, но, что особенно важно для нас, в нем впервые затронут вопрос художественного творчества. Случай редкий. Поэтому интерес к документу проявляют не только историки и филологи, но и историки искусства. Конкретное указание на работу выгорецких мастеров в области плетения из бересты различных бытовых предметов, более того, на специфику декоративного оформления берестяных изделий, — это необычайно интересное свидетельство. Оно позволяет говорить о местном центре производства; по-видимому, стилистические особенности художественной обработки туесков были теми же, что и в резном дереве, и в металле, и в тиснении по коже. Геометрическая орнаментация из кругов, сквозной сетки, мелких тисненых кружков, звездочек и точек по бересте в сочетании с цветной окрашенной слудой в виде фона создавали красочную гармонию предмета, привлекавшего к себе всеобщее внимание. Из сохранившихся в музейных собраниях немногочисленных, но характерных по своей орнаментации предметов именно такого рода можно сделать заключение о специфических чертах выгорецких берестяных изделий XVIII в. Указ лишь помог уточнить хронологические рамки производства берестяных предме-

тов и закрепить четко факт существования на протяжении XVIII в. места их производства.³

Любопытно отметить, что преимущественно крестьянский состав братии Выговского общежительства⁴ выделил из своей среды людей, одаренных в художественном отношении, которые продолжили народную традицию резьбы по дереву, сохранив живость и специфическую декоративную образность прикладного искусства. Это лишний раз позволяет характеризовать Выгорецкое общежительство как разносторонний центр художественной жизни, как интересный по многим своим проявлениям центр культуры Русского Севера.

Находка этой рукописи в Сум-Посаде важна уже потому, что свидетельствует о прочно устоявшихся связях Карельского полесья с выговцами. Мы получили также возможность ознакомиться с редчайшим свидетельством, указывающим на один из видов естественно развивающегося народного искусства. Художественная обработка бересты — это творческий, созидательный процесс, требующий определенных профессиональных навыков и мастерства. Среди жителей деревень многих областей России этот вид творчества был развит. Переселенцы принесли его с собой на Выг, создав здесь свой центр производства с характерными стилистическими особенностями. Трудники, а не монахи занимались плетением, резьбой и тиснением по бересте. Против них и был направлен указ, включенный в сум-посадскую сборную рукопись XVIII—XIX вв.

³ И. Н. У х а н о в а. Слюда в русском народном искусстве. — В кн.: Музей народного искусства и художественные промыслы. Труды Научно-исследовательского института художественной промышленности, М., 1972, вып. 5, с. 164, 165.

⁴ Еще в 1870-х годах Е. Барсов, работая над историческим очерком о Выговской библиотеке, подчеркнул, что монахов в монастыре было немного, преимущественно там находились трудники и бельцы (Е. Барсов. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. — ЛЗАК за 1872—1875 годы. СПб., 1877, вып. 6, с. 1).